

Чудо рождения.

Цунаде никогда не понимала очарования и благоговения, связанных с криками матери и ребенка - кровью, агонией и изнеможением. Особенно сегодня, когда она вышла из больничной палаты, где проходили ее третьи роды за день. Она подавила стон, проведя пальцем по своему планшету, чтобы найти следующего пациента в палате 226. Еще одна будущая мать.

Это был октябрь, черт возьми. Восемь месяцев прошло после ухода Какаши и Сасуке. Разве дети не должны были рождаться весной? Но нет, казалось, что каждый нерожденный ребенок в Конохе решил появиться на свет именно сегодня.

Цунаде шла по первозданному коридору гражданской больницы, щелкая каблуками. Именно поэтому гражданские врачи обратились с отчаянной просьбой к свободным медицинским нинам о помощи в родильном отделении. К сожалению, в число свободных нин-медиков входила и Хокаге. Она никогда бы не отказала в помощи, и должна была признать, что медицинские дзюцу оказались очень эффективными при родах, но все же. Почему просьба должна была относиться к ее наименее любимой области?

Боевые раны; она видела их все. Операции, спасающие жизнь, она делала все, включая те, которые раньше считались невозможными. Она знала все способы, которыми шиноби мог повредить свою систему чакры: от нарушения путей до инородных печатей, и исцеляла их все. Но роды?

Она поморщилась. Обычно нин-медики не принимали участия в родах, поскольку их навыки не требовались для того, что легко может сделать гражданский врач. Она могла по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда она помогала при родах, и половина из них пришлась на сегодняшний день. Остальные... ну, у нее не было желания их вспоминать.

А вот о том, что она не присутствовала на родах, она пожалела навсегда. Если бы она присутствовала, у Наруто могли бы остаться родители. О таком провале ей сейчас думать не хотелось.

Цунаде распахнула дверь палаты 226, и ее встретили крики роженицы. Две медсестры, помогавшие женщине, уставились на нее, и одна из них заикаясь произнесла: "Х-хокаге-сама".

Цунаде проигнорировала их изумленные взгляды. "На каком она сроке?"

Медсестра, стоявшая ближе всех к Цунаде, выпрямилась, ее лицо побледнело, в то время как другая продолжала говорить с будущей матерью. "Прошло пять часов при росте десять сантиметров, Хокаге-сама. Ребенок лежит лицом вверх, и мы не можем заставить его повернуться. Я не знаю, как..."

Цунаде выругалась и подошла к матери. Глаза женщины были плотно закрыты, она пыталась дышать через толчки. "Ты не вызвала врача?"

"Их нет, Хокаге-сама. Мы пытались несколько раз".

В комнату ворвался мужчина с дикими глазами. "Я искал везде, но не смог..." Его взгляд остановился на Цунаде. "Хокаге-сама?" Он покачнулся, схватившись за дверную раму, чтобы устоять на ногах. "Моей жене нужна помощь!"

"Я вижу." Цунаде посмотрела на взволнованного отца и успокаивающе улыбнулась. "С вашей женой все будет в порядке".

Бедняга выглядел так, будто вот-вот разрыдается. "О, спасибо, спасибо!"

Цунаде положила светящуюся руку на живот женщины, а трое других обитателей комнаты наблюдали за происходящим с молчаливым восхищением. Сначала она послала импульс онемевшей чакры через нервы женщины, как она обычно делала для раненых шиноби. Стоны женщины прекратились, и слезы облегчения наполнили ее темные глаза, когда она задыхалась. Цунаде сосредоточилась на ребенке. Медсестры были правы, он лежал лицом вверх. Она провела рукой по животу женщины, и ребенок пикнул, как будто почувствовал ее чакру.

Интересно. Но сейчас было не время говорить родителям, которые надеялись, что их ребенок обладает впечатляющей чувствительностью к чакре. Вместо этого в ее голове росла идея. Цунаде увеличила интенсивность своей чакры настолько, что ей стало не по себе. Как она и ожидала, ребенок зашевелился, пытаясь избавиться от неприятных ощущений. Она слегка поправила руку, и ребенок еще немного пошевелился, переворачиваясь.

Женщина застонала, и через несколько мгновений роды закончились. Крики ребенка наполнили комнату, и новоиспеченная мать упала на подушки, ее улыбающееся лицо блестело от пота. Муж тут же оказался рядом с ней, поглаживая ее по лбу и что-то бормоча.

Цунаде изучала красное, сморщенное личико ребенка, пока одна из медсестер брала его на руки. Несомненно, она собиралась отнести его мыть и пеленать. У нее не было времени оставаться на предыдущих родах, но поскольку этот был последним на сегодня, она с удовольствием стояла и смотрела. А может быть, она просто слишком устала, чтобы двигаться.

Пока медсестра не протянула голого, мокрого ребенка, сияя. "Хокаге-сама, не хотите ли оказать честь?"

А? Цунаде быстро моргнула - вдруг у нее галлюцинации, - но ребенок все еще был там, прямо перед ней. "I..." Она взглянула на родителей, но оба смотрели на нее широкими, полными надежды глазами. "Конечно, конечно. Я скоро вернусь".

Она ни за что не собиралась мыть и пеленать ребенка в первый раз на глазах у публики.

Она осторожно взяла ребенка у медсестры и взяла его на руки, размазывая жидкость, покрывавшую его, по своему белому больничному халату. Она быстро вышла в соседнюю комнату, к счастью, пустую, и нашла необходимые ей принадлежности. Ребенок корчился и снова начал плакать, пока она осторожно вытирала его.

Боги. Что же ей делать? Цунаде бросила взгляд на дверь, молясь, чтобы медсестры не пришли посмотреть, что случилось. Подожди... чакра. Ее руки засветились, и она пустила теплую, успокаивающую чакру по маленькому телу. Ребенок перестал плакать, его глаза закрылись, а крошечные ручки сжались в кулачки. Цунаде не смогла удержаться от удовлетворенной улыбки и закончила пеленать его в мягкое белое одеяло. По крайней мере, она надеялась, что спеленала его правильно. Он выглядел достаточно защищенным.

Цунаде отнесла ребенка обратно в комнату и передала его ожидающим родителям. "Ваш сын. Он прекрасный малыш".

"Спасибо, Хокаге-сама". Измученный, но яркий взгляд матери на мгновение встретился со взглядом Цунаде, затем она перевела внимание на ребенка на руках, лицо которого светилось обожанием.

Возможно... в чуде рождения все-таки что-то есть.

Цунаде отступила назад и наблюдала, как новоиспеченные родители воркуют над своим ребенком, не обращая внимания ни на что другое в комнате. Отец сопел от волнения, его радостный, полный гордости и почти неверия взгляд постоянно переходил с ребенка на жену. Цунаде сложила руки, в ее животе нарастало неприятное чувство. В свои пятьдесят шесть лет она уже смирилась с тем, что с ней такого никогда не случится.

Но Какаши... он заслужил это. Он заслужил возможность держать на руках собственного ребенка и смотреть на него с любовью и гордостью. Он заслужил быть отцом. Она сглотнула, в горле встал комок.

И это было то, чего она никогда не могла ему дать.

Что она делала? Цунаде прижала руку к больным глазам. Она не могла ожидать, что Какаши будет думать о своем будущем, когда такой шиноби, как он, живет каждый день. Но она должна была.

Почему же она этого не сделала?

Цунаде повернулась и толкнула дверь, спотыкаясь, вышла в коридор. Кто-то окликнул ее, но она не остановилась. Ей нужно было выбраться отсюда. Вслепую она прошла через медсестер, врачей и пациентов, ища выход.

"Цунаде-сама?"

Цунаде заставила себя остановиться, услышав знакомый голос, и нашла розовые волосы Сакуры. Ее ученица остановилась посреди коридора, вероятно, направляясь к следующему пациенту, ее зеленые глаза сузились, изучая Цунаде. "Ты в порядке?"

"Х-хай, я в порядке. Я закончила свою смену, так что я иду домой". Цунаде подняла руку в знак прощания, прежде чем Сакура успела заговорить, и направилась к выходу. Обычно она ценила интуицию Сакуры, но не сегодня. Тем не менее, она чувствовала на себе взгляд Сакуры, пока не завернула за угол. Дождавшись выхода, Цунаде ускорила шаг, пробираясь через оживленный главный этаж.

"Химэ! Йо, Цунаде!" Кустистая белая голова Джирайи возвышалась над медсестрами, когда он протискивался к ней.

Цунаде стиснула зубы, с трудом удерживая под контролем свои заплывшие глаза. Джирайя был последним, кого она хотела сейчас видеть или с кем хотела разговаривать. Ну, кроме Гая. Поэтому она опустила голову и продолжила, делая вид, что не слышала.

"Я искал тебя весь день". Джирайя появился у нее за плечом. "Мне нужно кое-что сказать..."

Цунаде снова вскинула руку, заставив его замолчать. "Не сейчас." Она выскочила в двери, оставив его позади. В ярости она вытерла глаза, направляясь к резиденции Сендзю. Как бы она ни старалась, она не могла выбросить из головы воспоминания о разговоре с Какаши.

Они возвращались в Ямагаву после успешного поиска запечатывающего круга, и она отчаянно пыталась прояснить ситуацию со свитком деторождения, который лежал у нее в сумке.

Какаши, казалось, это не волновало. Вместо этого он избегал ее взгляда и признался в своих сомнениях по поводу того, что станет отцом.

Почему-то она знала, что он никогда никому не говорил об этом раньше. Это тронуло ее, но в то же время ее сердце болело за него. Она хотела успокоить его, поэтому, не задумываясь, положила свою руку на его руку и четко выразила свое мнение, что он будет прекрасным отцом. Она и сейчас придерживалась этого мнения.

Но взгляд Какаши... такая надежда, как будто он никогда раньше не осмеливался думать о подобном.

Неужели она настолько эгоистична, что готова отнять у него эту надежду? Цунаде вошла в свой дом и сняла туфли на каблуках, небрежно бросив их на пол. Она начала подниматься по лестнице, желая лишь одного - рухнуть на кровать. Она с силой распахнула дверь своей спальни и захлопнула ее за собой. Она знала, почему не позволила себе пойти сюда раньше.

Потому что она хотела Какаши. Хотела будущего с ним так сильно, что едва могла дышать. Она зарылась лицом в ладони и опустилась на край кровати, по которой текли слезы.

Но она не могла дать ему ни того, ни другого.

Цунаде проснулась в полночь. Или, скорее, холодные ноги вывели ее из темных и запутанных снов. Она застонала и повернула голову, чтобы посмотреть на открытое окно, прохладный ветерок овеивал ее открытую кожу. Ее щеки были жесткими и болезненными. Она что, плакала во сне? Как по-юношески.

Медленно поднявшись, она оглядела смятую постель, на которой лежала. Она потерла глаза. Ей следовало хотя бы переодеться в пижаму, прежде чем забираться под одеяло, чтобы снова заснуть, но уже в комфортных условиях.

Вздохнув, Цунаде направилась по деревянному полу к своему шкафу. Если она думала, что сон принесет ясность, то ошиблась. Она провела рукой по спутанным светлым волосам и, прищурившись, заглянула в темный шкаф. Что оставалось делать, кроме как сказать Какаши, что она освобождает его от обещания, когда он вернется с Сасукэ? Что бы она ни чувствовала, она должна была сделать то, что было лучше для него. Она не могла его удерживать. Она потянула за верхнюю часть пижамы, но та упрямо держалась на вешалке, и весь ряд одежды в беспорядке рухнул на пол.

Цунаде не отрываясь смотрела на это безобразие, сжимая в кулаке пижаму. Проклятье. Почему она такая старая?

Свет мерцал в периферии, и Цунаде повернулась, чтобы посмотреть на дверь. Под ней светился слабый огонек. Что за дела? Она была уверена, что не оставила свет включенным. Ворча, она схватила халат и, накинув его, распахнула дверь и бросилась вниз по лестнице. Если это был какой-то розыгрыш...

Цунаде остановилась на пороге гостиной и уставилась на пылающий камин. И на мужчину, сидящего на ее любимом диване. "Джирайя", - прорычала она, ее терпение стремительно испарялось. "Что ты делаешь в моем доме? Сейчас середина ночи!"

"А, Химэ. Я все думал, когда же ты спустишься". Джирайя повернулся и улыбнулся ей, положив руку на спинку дивана. "Давай, садись".

Цунаде закатила глаза. Чувствуя себя невоспитанной, она протиснулась в гостиную и опустилась на оставшийся стул. Она скрестила руки на мантии и подняла бровь. "Ну, я здесь. Что тебе нужно?"

Джирайя изучал ее, и неприятная колючка зудела в ее шее - вместе с желанием убежать обратно вверх. Но затем Джирайя заговорил ровно: "Я не мог не заметить, что в больнице что-то не так. Хочешь поговорить об этом?"

Цунаде заерзала, пытаясь сохранить нейтральное выражение лица. Это была проблема, связанная с тем, что ее старый товарищ по команде постоянно находился рядом, поскольку он не мог ходить на миссии. Джирайя знал ее лучше, чем кто-либо другой, и не боялся набить ей морду. Она вздохнула. "Джирайя... ты когда-нибудь хотел иметь детей?"

Джирайя замер, его глаза расширились, как будто она снова застала его за подглядыванием в женской бане. Но потом взгляд исчез, и он лишь смущенно засмеялся. "Ну, мне это никогда не приходило в голову".

Так и есть. Джирайя никогда и нигде не оседал, и она знала, что долгое пребывание в Конохе должно было свести его с ума. Цунаде помассировала виски. Все-таки Джирайя был способен дать дельный совет, когда ему этого хотелось. Что ей было терять? "Я просто... увидела эти семьи сегодня..."

Джирайя выжидающе уставился на нее.

"Мне пятьдесят шесть, Джирайя!" - выпалила она. Хотя она не могла смотреть в глаза своему другу, было облегчением наконец-то высказать свои страхи. "И... и я больше не могу иметь детей. Какаши всего тридцать два года, и он заслуживает... заслуживает иметь собственную семью. Я не могу дать ему этого. Эти отношения... это несправедливо по отношению к нему". Она схватила в кулак свой халат. "Я знаю, что он чувствует ко мне, но я боюсь, что он не смотрит в будущее. И... и..." Не найдя слов для своих мыслей, она замолчала.

"Ах, Цунаде." Джирайя откинулся назад и удобно скрестил одну ногу на другой. "Я давно знаю Хатаке, и поверь мне, что этот парень ничего не делает, не обдумав все до мелочей". Он усмехнулся. "И мне кажется, ты забываешь одну маленькую деталь".

Цунаде не могла представить, что он имел в виду. И она не была уверена, что хочет этого. "...что?"

Джирайя ткнул в нее тупым пальцем. "Ты - одна на миллион, и Хатаке знает это не хуже меня".

Боги, только не это. Цунаде нахмурилась, поправляя мантию, чтобы было чем дышать. Почему здесь так удушающе жарко? "Это говорит человек, который при каждом удобном случае называет меня старой".

"Ах, Химе. Ты же знаешь, что я этого не хочу. Кто-то должен держать тебя в смирении..."

"Наруто неплохо справляется с этой задачей", - раздраженно перебила Цунаде.

Джирайя продолжал, как будто она не говорила. "Слушай, я видел свою долю женщин во всех пяти странах шиноби. Многие из них были сильными и красивыми. Но ни одна из них никогда не сравнится с тобой".

"Джирайя..." Цунаде вздрогнула. Только он мог сделать комплимент до боли неловким для них обоих. Конечно, он все еще не чувствовал...

"Все, что я хочу сказать, это то, что не надо себя недооценивать. Кроме того, - Джирайя закинул руку за голову, - очевидно, что Хатаке явно хочет тебя. Он даже не говорил о том, что хочет ребенка?"

"Ну... не совсем. Но..."

"Вот и все." Джирайя кивнул, как будто все решил. Он ухмыльнулся. "И не говори мне о старости. В тебе есть кровь Сенджу и Узумаки, Тсуна. Хатаке придется потрудиться, чтобы не отстать от тебя".

Щеки Цунаде горели. Боги. Если бы этот старый извращенец не находился в середине сеанса терапии, она бы стерла эту ухмылку с его лица. "Ты просто не можешь удержаться, да?"

Джирайя легко пожал плечами, но ухмылка осталась. "Если у тебя не сложится с Хатаке, ты всегда можешь вернуться ко мне".

"Я никогда не была с тобой, бака". Цунаде покачала головой на выходку товарища по команде и сосредоточилась на мерцающем пламени. Но он был прав. Возможно, она слишком много думала о длительном отсутствии Какаши. Ведь прошло уже восемь месяцев. Какаши иногда присылал письма, чтобы заверить ее в своем благополучии и благополучии Сасукэ, но их было мало, чтобы не скомпрометировать их миссию.

Может быть, она просто скучала по Какаши.

"Послушай, Химэ." Джирайя тоже смотрел на огонь, выражение его лица было необычайно задумчивым. "По какой-то причине, мы оба получили второй шанс. И я, например, не собираюсь упускать свой".

Цунаде нахмурилась; она не была глупой. Она знала, что любовь Какаши к ней - это второй шанс на жизнь, о котором она никогда не думала и которого не заслуживала. Но Джирайя... конечно, он имел в виду не то, что он пережил Боль.

<http://tl.rulate.ru/book/57297/1474577>